

ДЕЯТЕЛИ
СССР
И РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ
РОССИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДЕЯТЕЛИ СССР И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ
ГРАНАТ

БИБЛИОТЕКА
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ
Музея В. И. ЛЕНИНА
103957

МОСКВА
· СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ·
1989

Дом Пятигорска
№ 92-2032/26

103957

котором государственная централизация сменилась бы возможно большей децентрализацией. Земства должны были явиться основой этого строя. В таком именно направлении было выпущено в 1889 г. в Женеве три небольших сборника, носивших название „Свободная Россия“, в которых я принимал участие.

Думаю, что на этом я могу покончить свою автобиографию, так как рассказывать о том, как мне пришлось за границей вести борьбу за существование, не может представлять интереса, а в общественных делах с того времени я уже не участвовал.

Дейч, Лев Григорьевич *).

В настоящей краткой биографии я ставлю своей задачей дать, гл. обр., беглый набросок моей революционной деятельности, да и то лишь поскольку она, оставаясь индивидуалью моей, являлась в то же время следствием общего в России движения передовой интеллигенции,—движения, начавшегося 50—60 лет тому назад смутными, сбивчивыми исканиями правильного пути к освобождению угнетенных масс и закончившегося в наши дни колоссальным политико-социальным переворотом.

* * *

Появился я на свет 26 сентября (7 октября) 1855 г. в местечке Тульчине Каменец-Подольской губ. в довольно большой и зажиточной семье, которая переселилась в Киев, когда мне было года четыре. С ранних лет крупные политические события,—восстание декабристов (по рассказам матери о Пестеле, подвизавшемся в местечке Тульчине, освобождение крестьян (в передаче старушки-няни) и польское восстание 63 года (в освещении гувернантки и соседней), затем покушение Каракозова на „царя-освободителя“,—все это оставило в моей душе и памяти ряд незабываемых впечатлений и вопросов **).

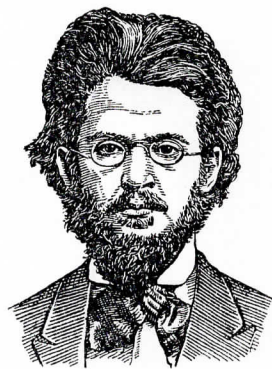
Жизнь в старинном помещичьем доме бывшего владельца крепостных душ, своеобразная часть города (Печерск), близкое знакомство с крайне бедным населением обширного дома и прилегающих улиц также имели на меня благотворное влияние. К этому присоединилось разорение и бегство отца от кредиторов, когда мне было 12 лет. Наступившая затем нужда заставила меня заняться репетиторством еще в низших классах гимназии. Мои сестры, задетые идейным освободительным движением того времени („нигилизмом“), собирали вокруг себя более или менее радикальную студенческую молодежь. Их беседы также не оста-

лись без влияния на мое развитие, и, будучи еще мальчуганом, я называл себя „демократом“ и удивлял не только сверстников, но и более старших гимназистов знанием про такие сочинения, как „Что делать?“ Чернышевского.

Раннее знакомство с нашими классиками как художественной, так и критическо-публицистической литературы еще на школьной скамье вызвало у меня сильное стремление к общественной деятельности. Под влиянием Некрасова, Тургенева, Писарева, Чернышевского я, считая себя русским, уже 13—14 лет задумывался о положении трудящегося народа. Но разразившийся в Одессе первый антиеврейский погром в 1871 г., когда мне шел 16-й год, заставил меня впервые почувствовать исключительно угнетенное положение моих единоплеменников. Все же я допускал, что они отчасти сами виноваты во враждебном к ним отношении, благодаря своему стремлению к легкой наживе и избеганию тяжелого физического труда. Тогда я был по убеждениям демократом, либералом, нисколько не сочувствовавшим революциям. Происходивший летом 1871 г. процесс нечаевцев, раскрывший приемы обмана и мистификаций, к которым прибегал организатор этого кружка, в особенности возмутительное убийство невинного товарища, студента Иванова, и затем бегство за границу самого Нечаева,—все это в сильной степени оттолкнуло меня от насильственных приемов изменения господствовавшего строя. Я был „нигилистом“, „реалистом“, верившим в мирный прогресс. Но вскоре первые же столкновения с действительностью раскрыли мне глаза.

* * *

Сделанная мною попытка с несколькими товарищами превратить обучающихся в талмуд-торе еврейских сирот в полезных тружеников-ремесленников потерпела неудачу из-за запрещения инспектором народных училищ „недозволенной школы“. Почти столь же печально окончилось существование устроенной мною кассы взаимопомощи частным репетиторам. Но последним толчком, заставившим меня свернуть с легального пути на революционный, было пребывание летом 1874 г. в деревне в качестве репетитора у арендатора богатого имения в Киевской губернии. Бедность крестьян, каторжный труд их, полное бесправие и незащитность даже перед волостным писарем в связи с возмутительным фактом ссылки ни в чем неповинных крестьян на житье в Сибирь, будто бы по постановлению мирского схода, в действительности же исключительно под давлением взяточника-писаря, произвели на меня удручающее впечатление. Тогда мне впервые стал очевидным весь ужас жизни трудя-

ДЕЙЧ Л. Г.
(1855—1941).

После Октябрьской революции работал над изданием литературного наследия
Г. В. Плеханова.

*) Автобиография написана в дек. 1925 г. Москве.

**) См. подробно об этом в „За полвека“, М., ГИЗ, 1926 г., т. I.

щегося населения, находящегося в кабале у тунеядцев, мздоимцев и насильников.

В это же время я внимательно следил за происходившим процессом долгушинцев, который по своему характеру представлял прямую противоположность нечаевскому. Их самоотверженное стремление идти „в народ“, чтобы отдать делу его освобождения все свои силы и знания, отказавшись от культурных благ и рискуя попасть на каторгу, склонило и меня пойти тем же путем. К этому решению подготовило меня отчасти и чтение сочинений Лассалья, а также „Положения рабочего класса“ Флеровского и др. произведений, сосредоточивших все мое внимание на вопросах политических и социальных.

Вернувшись осенью в Киев, я решил „сжечь за собою корабли“, т. е. отказаться от намерения стать со временем земским врачом, чтобы лечить, главным образом, бедных трудящихся крестьян. Это был тогда обычный путь чуткой к страданиям ближних передовой учащейся молодежи. Всем этим борцам за улучшение бедственного положения народа на обширном протяжении России приходилось неизменно наталкиваться на одно и то же: на невозможность легальной общественной деятельности. Однако, вступление на революционный путь было для меня не так просто, как мне сперва казалось. В то время мне случайно удалось прочесть только несколько подпольных брошюр, в роде знаменитой „Хитрой механики“, „Сказки о четырех братьях“ и т. п., но из них я совершенно не мог ничего узнать ни о существовавших в революционной среде течениях, ни о том, в чем должна состоять деятельность противников существовавшего строя для его изменения. Я рассчитывал найти в Киеве старших моих товарищей— П. Б. Аксельрода, С. Лурье и др., уже давно, как я знал, ставших революционерами. Но я нашел там полный разгром: С. Лурье и другие члены существовавшего в Киеве революционного кружка были арестованы, а Аксельрод с несколькими товарищами эмигрировал за границу. Других революционных связей у меня не было, и я тяжело почувствовал свою беспомощность, совершенное одиночество.

* * *

Встреча со школьным товарищем Иосифом Щепанским несколько смягчила охватившее меня угнетенное состояние, так как в течение каникул он также самостоятельно пришел к тем же выводам, что и я. Решив образовать кружок из своих старых школьных товарищей, чтобы и их склонить на революционную деятельность, мы занялись среди них пропагандой, но не имели большого успеха. Случайное знакомство с поднадзорным д-ром Вл. Эмме, а также со студентом Колодкевичем и с „нелегальной“

Анной Макаревич дало мне возможность несколько разобраться в существовавшем тогда революционном движении. Через Эмме я стал получать запрещенные издания; из них и непосредственно из его рассказов я узнал о „лавристах“, „бакунистах“, „бунтарях“, „чайковцах“ и т. п. Но мое отношение к этим различным течениям все же не определилось, и никакой организационной связи не создалось для меня. Эмме был лавристом, крайне отрицательно относившимся к Бакунину. Я же, хотя также считал себя сторонником взглядов Лаврова, но меня отвращал от него „скудный стиль“ его писаний, которые я с огромными усилиями усваивал. Наоборот, живые, яркие, увлекательные статьи „истинного революционера“ Бакунина мне очень нравились, несмотря на критическое к ним отношение Эмме.

Гл. обр. под влиянием Бакунина, его горячих призывов к „честной, искренней молодежи“, я давал себе „ганнибалову клятву“—посвятить свою жизнь делу освобождения обездоленных. Оставаясь организационно одиноким, я стал готовиться к деятельности „в народе“. Бросив гимназию в последнем классе, я принял за „теоретическую“ подготовку по обширнейшей лавристской программе и, в то же время впервые расставшись со своей семьей, я поселился у столяра, чтобы изучить у него это ремесло.

Вблизи от меня оказалась экипажная мастерская, устроенная образованным человеком с тенденциозным намерением поставить своих рабочих в лучшее положение, чем в других мастерских. С его разрешения я занялся также обучением по вечерам и в праздничные дни его рабочих грамоте с намерением затем распространять их. Но эта первая моя попытка пропаганды рабочих окончилась полной неудачей: слушатели проявили совершенное равнодушие к этим занятиям, и вскоре они один за другим отказались от их посещения. Мои собственные усиленные занятия при новых неблагоприятных условиях жизни быстро отразились на состоянии моего здоровья. Я вообще был слабосильным юношей со впалой грудью. Профессор, к которому я обратился, приняв меня по костюму за рабочего, посоветовал поскорее уехать в деревню, чтобы серьезно не заболеть. Я надумал оставить Киев, где чувствовал бесплодность моих одиноких, неорганизованных попыток.

* * *

Решив отправиться в какой-нибудь губернский город, в роде Воронежа, Полтавы или Чернигова, где молодежь была меньше напугана арестами, и потому была возможна более организованная революционная деятельность, я обратился за связями к д-ру

Эмме. Для этого он познакомил меня с И. Ф. Фесенко, имевшим большое и благотворное на меня влияние. Он был лет на десять старше меня, с университетским образованием, разносторонне начитанный, и уже в то время он основательно изучил „Капитал“ Маркса. Ему, поэтому, без особенного труда удалось убедить меня в том, что и в Киеве можно найти достаточно дела, если умело за это взяться. Он сам был готов своими знаниями и опытом притти молодежи на помощь; он уже побывал за границей и лично знал видных эмигрантов.

Злые сарказмы Фесенко очень скоро опрокинули у меня авторитет Бакунина и особенно Лаврова, и без того едва державшийся. Неосуществимость подготовительной научной программы, предложенной Лавровым, перед началом революционной пропаганды, была уже для меня очевидна. С таким оружием в руках, как „Капитал“ Маркса, Фесенко не трудно было поколебать во мне веру в полную готовность русских крестьян к революции и к социализму.

И. Ф. Фесенко, в качестве сына сельского дьякона, хорошо знал все отрицательные стороны наших крестьян, а потому зло высмеивал их идеализирование Бакуниным. Но и он, марксист, не избежал влияния на него времени и среды: он также создал фантастический план вызова в России революции, а именно вместо православных крестьян он надумал поднять против существовавшего строя путем пропаганды приверженцев рационалистических сект, — „бегунов“, молокан, штундистов, как уже оппозиционно настроенных людей, более других поэтому способных к восприятию социализма, а также и к упорному противодействию правительству. Фесенко упустил лишь из виду, что стойкие, воздержанные, трудолюбивые сектанты, ставшие в большинстве своем относительно зажиточными хозяевами, еще меньше были готовы к принятию социализма и к вооруженной за него борьбе, чем обездоленные, несчастные православные крестьяне.

Но в этом заблуждении Фесенко не был одинок: в те времена совершенно независимо друг от друга во многих местах революционная молодежь направилась в среду сектантов, чтобы посредством пропаганды поднять их против существовавшего строя. Образовавшийся при моем содействии вокруг Фесенко кружок, располагавший материальной поддержкой уже ранее распропагандированного Фесенко бывшего помещика Д. А. Лизогуба, направился в разные губернии на поиски приверженцев рационалистических сект.

* * *

Весной 1875 г. я со Щепанским отправился в Мелитопольский уезд, в нескольких де-

ревнях которого находились избранные нами молокане. Но предварительно мы со Щепанским поступили в мастерские ближайшего железнодорожного депо, чтобы приучить себя к тяжелому физическому труду. По прошествии нескольких дней Щепанский, выбивавшийся от усталости из сил, заявил, что он не в состоянии продолжать работу, и, отказавшись от службы, вернулся обратно. Хотя и мне работа в мастерских была крайне тяжела, я все же продолжал ее и по прошествии месяца, приняв достаточно опрошенный вид, направился к молоканам в с. Астраханку.

Мне посчастливилось сразу попасть в хорошую семью, в которой я остался вплоть до осени. Но моя пропаганда наисовершеннейшего строя оказалась безрезультатной: мои доводы разбивались о непреступную стену вековых предрассудков и суеверий. Для меня стало ясно, что, главным образом, не во мне, а в самих молоканах, в условиях их жизни, как экономических, так и религиозных, — в их относительно высоком благосостоянии и довольстве своей религией лежали причины их невосприимчивости к социализму. Передо мной встал вопрос: „да осуществима ли, вообще, поставленная нами себе задача?“ И я ответил на него отрицательно.

Несмотря на безрезультатность пропаганды и тяжесть крестьянского труда, я вернулся в Киев очень окрепшим физически и, в конечном счете, все же довольным произведенным опытом. Немногим из моих товарищей удалось достигнуть и этих результатов: некоторые из них вскоре вернулись, не найдя даже избранных ими сектантов, другие глубоко разочаровались в своей миссии и в крестьянах. А марксист Фесенко был, повидимому, принят шелопутами за давно ожидаемого ими пророка, и они устроили вокруг него исступленную религиозную пляску, закончившуюся дракой с православными крестьянами и арестом Фесенко.

По возвращении осенью 1875 г. в Киев я вновь нашел полную разрозненность и дезорганизованность среди революционеров: кружок Фесенко разбрелся в разные стороны, и я опять оказался одиноким. В неведении, что предпринять, я уже готовился отправиться в качестве волонтера к восставшим герцеговинцам, как это сделали некоторые революционеры, в том числе такие крупные, как Клеменц, Кравчинский, Сажин и др. Меня особенно побуждал к этому слух о том, что и Я. В. Стефанович, которого все, и я в том числе, считали серьезным юношей еще в гимназии (он на два класса был старше меня), тоже собирается в Герцеговину. Но стремление туда среди революционеров скоро прекратилось, т. к. русские добровольцы, невыносимые

и неприспособленные к тяжелым переходам в гористой местности, оказались только бременем для повстанцев. Отказался от своего плана и Стефанович, а вслед за ним и я.

* * *

Отчасти под влиянием этих сборов в волонтеры, я решил поступить вольноопределяющимся, мотивируя это себе тем, что военная тренировка пригодится мне для предстоящей у нас революции. Вскоре после поступления на военную службу мне, наконец, удалось связаться с существовавшим в Киеве кружком „южных бунтарей“. В нем я нашел тесную дружескую семью, к которой примкнул и я; с тех пор моя связь с революционерами-бунтарями уже не прерасалась.

В число членов этого кружка, состоявшего из последователей Бакунина, входил также Стефанович, являвшийся единственным лицом, которого я раньше знал немного. Кроме него туда входили: М. Ф. Фроленко, Виктор Костюрин, Сергей Чубаров, Иван Бохановский, В. И. Засулич, Мария Ковалевская, Мария Коленкина, Анна Макаревич и др., всего около 20-ти человек. Последние четыре, а также Стефанович, вскоре стали моими друзьями в течение моей революционной жизни. Кружок существовал под прикрытием легальной квартиры родителей Дебогория-Мокриевича, деятельного и инициативного его сочлена, являвшегося вожаком. Бунтарями они назывались потому, что согласно учению Бакунина проповедывали необходимость вызова бунтов и содействия им, так как революция должна была совершиться, как результат организованных революционерами народных восстаний.

Тяготая всей душой к этому кружку я целиком воспринял его воззрения, вполне отвечавшие моему собственному настроению, но меня, еще не обстреленного юношу, первоначально никто из членов не посвящал в планы кружка и не предлагал в него вступить. Между тем, в первые же месяцы моего пребывания на военной службе мне пришлось принять некоторое участие в побеге от жандармов арестованного товарища, вследствие чего я и сам очутился на военной гауптвахте. Там к тому же у меня произошло небольшое столкновение с дежурным по караулу офицером; я поэтому предан был военному суду, и мне грозило большое наказание. Но при содействии Стефановича мне удалось бежать, после чего я стал „нелегальным“ *).

* * *

То было 19 февраля 1876 г. За мною, таким образом, оказался некоторый „стаж“: участие в освобождении, сидение под арестом,

удачный и ловкий побег, переход в разряд разыскиваемых полицией. Я, конечно, целиком вошел в интересы кружка „бунтарей“ и вскоре затем был принят в число его членов. Оказалось, что задачей этого кружка был вызов среди крестьян Чигиринского уезда вооруженного восстания путем применения подложного от имени царя манифеста, в котором он советовал своему любимому народу перестать на него надеяться, а самому восстать с оружием в руках против всех своих врагов и притеснителей.

Это, будто бы царское, признание вполне совпадало со сложившимся представлением среди населения волновавшихся местностей, в том числе и, благодаря происходившим незадолго перед тем недоразумениям из-за порядка пользования землей, в некоторых волостях Чигиринского уезда. Там возникли целые легенды о зловредных планах и намерениях министров, направленных против крестьян и, наоборот, о доброжелательном к ним отношении царя. В виду этого чигиринцы отправили к царю ходяков, которых полиция, перехватив в пути, арестовала. Всеми этими обстоятельствами наш кружок решил воспользоваться для вызова вооруженного восстания.

План наш состоял в том, чтобы в устроенной в Киеве подпольной типографии отпечатать указанного выше содержания царский манифест, который, развезя верхом, а то и в телегах, открыто читать собираемым в селах и деревнях крестьянам. Затем, раздав им привозимое с собою для них огнестрельное оружие, вместе с ними приступить к отобранию от помещиков земли и предоставлению ее крестьянам в общинное пользование, а встречая сопротивление со стороны разного рода заинтересованных лиц и начальства, давать им решительный отпор. Так как по утверждению Бакунина, разделявшемуся бунтарями, все русские крестьяне готовы были в любой момент восстать, то нам казалось, что раз поднимутся крестьяне особенно возмущенного Чигиринского уезда, за ними, вероятно, немедленно последуют соседние уезды и губернии, а там пламя восстания, быть может, охватит значительный район: ведь в прошлые времена удавалось совершенно невежественным лицам поднимать народ против царствовавших деспотов,— почему же это не осуществимо для нас, революционеров, вооруженных знаниями, могущих заставить необходимыми для начала атрибутами— манифестами, оружием, лошадьми и т. д. Мы упустили из виду лишь одно: Россия XIX столетия, при тогдашней организации войск и полиции, при наличии телеграфа и железных дорог, совершенно не походила на прежнюю— времена Разина и Пугачева.

*) Подробно об этом см. „Четыре побега“, 1926 г.

Как бы то ни было, бунтари хотели верить своему кумиру, будто в России в любой момент легко вызвать восстание, и принялись за осуществление этой задачи. Вскоре после моего побега с гауптвахты состоялся съезд всех членов нашего кружка для выработки дальнейшего плана действий. Решено было отправить за границу Анну Михайловну Макаревич-Розенштейн для приобретения там типографского станка, шрифта и всех принадлежностей. Затем все остальные члены должны были расселиться в качестве крестьян под разными предлогами в местечках, селах и деревнях, соседних с Чигиринским уездом, как для ознакомления с топографией местности и с его населением, так и для устройства притонов для складов оружия и содержания лошадей. Средства на подготовку всего необходимого получались, главным образом, от некоторых более состоятельных членов нашего кружка; их было далеко недостаточно, но мы утешали себя надеждами, что нам удастся получить нужное количество, когда окажется настоятельная в них необходимость.

С наступлением весны, самое позднее — в начале лета, все, казалось, будет подготовлено, и наша компания, распределив роли, торжественно появится в селах и деревнях, отчасти приготовленных к приему нас, посланных самим обожаемым батюшкой-царем. На словах все у нас было довольно гладко, даже детально, расписано, — словно в детской сказке, в действительность которой, однако, верили не только несовершеннолетние юноши, но и люди средних лет, к тому же не только умные, но некоторые даже выдающиеся: всюду в известные исторические моменты находил на наиболее отзывчивых и решительных современников своего рода гипноз, без которого, по видимому, история человечества не может двигаться вперед. Неизвестно, чем закончился бы подготовлявшийся нами призыв к вооруженному восстанию, — вероятно, очень печально, но, вследствие стечения непредвиденных обстоятельств, нам не пришлось парадировать в качестве направленных царем специально к чигиринцам посланцев.

В нашу штаб-квартиру в Елисаветград приехал из Киева некто Горинович, который, будучи арестованным в 1874 году, по выдавал всех, кого знал, в том числе Дебогория-Мокриевича, Стефановича, Марию Коленкину, за что его и освободили из тюрьмы, а названные им лица частью были арестованы, частью скрывались в качестве „нелегальных“. Предположив, что в Елисаветград он приехал с намерением указать полиции разыскиваемых ею нелегальных, некоторые из членов нашего кружка, и я вместе с ними, решили устранить его. Но сделанное на него покушение оказалось не-

удачным: изуродованный Горинович вновь все открыл полиции, и наш кружок должен был, наскоро снявшись, удрать из всех поселений и притонов, переселившись далеко от Чигиринского уезда в большой университетский город Харьков. К этому обстоятельству присоединилась чрезвычайная задержка с получением из-за границы станка с типографскими принадлежностями, а также денежных средств. Словом, „прекрасно разработанный план“ не осуществился, и, год спустя, кружок бунтарей ликвидировался (подробно об этом см. „За полвека“, 1926 г.).

Только один его член не отказался от намерения вызвать восстание все в том же Чигиринском уезде. То был Яков Васильевич Стефанович. Он надумал, пользуясь взглядом крестьян на царя, создать тайное общество среди населения указанного уезда, для чего предъявил некоторым из крестьян заранее заготовленный царский манифест, уполномочивавший его действовать в качестве „комиссара“. К этому плану из бывших членов бунтарского кружка Стефанович привлек меня, Бохановского и Чубарова. Это было в феврале 1877 г.

В короткое время в созданную нами среди чигиринцев тайную организацию вступило около 2.000 крестьян. Дело шло очень успешно; крестьяне, по нашему совету, заготавливали пики, мы собирались снабдить их огнестрельным оружием и осенью предполагали начать восстание, но, вследствие неосторожности одного члена „Тайной Дружины“, как Стефанович назвал эту крестьянскую организацию, заговор был открыт властями, почти все члены были арестованы, в том числе и мы трое: Стефанович, Бохановский и я.

Очутившись в сентябре 1877 г. в Киевской тюрьме, при чем нам угрожала бессрочная каторга, мы стали думать о побеге. Единственным способом для его осуществления являлось проведение в число ключников своего товарища. После продолжительных хлопот и стараний осуществить это удалось нелегальному Михаилу Федоровичу Фроленко, поступившему в тюрьму в качестве надзирателя, конечно, с фальшивым паспортом, и в ночь с 26-го на 27-е мая 1878 года под видом коридорных часовых он вывел нас из тюрьмы. Затем на лодке мы, трое бежавших, спустились по Днепру в Кременчуг, а оттуда в качестве крестьян благополучно выехали в Петербург, избежав, таким образом, опасности быть пойманными, несмотря на предпринятые администрацией самые тщательные розыски. Пробыв несколько недель в столице, где мы близко сошлись с самой обширной тогда северной организацией народников, мы в конце июля, чтобы замести следы, отправились в Швейцарию.

Пребывание, хотя и непродолжительное, за границей принесло мне значительную пользу: оно укрепило во мне уже раньше начавшееся сомнение в правильности бунтарских взглядов и целесообразности прибегания к „авторитарному принципу“, как тогда называли пользование царским именем. Но, главное, я вернулся (летом 1879 г.) ярым противником систематического террора, который начал практиковаться в России после совершенного Верой Ивановной Засулич 24-го января 1878 года покушения на петербургского градоначальника ген. Трепова. Тех же взглядов придерживались и мои друзья—Я. В. Стефанович и сама инициаторша террора В. И. Засулич.

После неудачного покушения А. К. Соловьева на царя (2-го апреля 1879 г.) среди членов Северной организации, принявшей перед этим название общества „Земля и Воля“, начались горячие споры по поводу царевбийства: часть членов, во главе с Плехановым, считала гибельным для нашего движения продолжение таких попыток, другие, наоборот, находили, что только этим путем можно добиться политических свобод, без которых невозможна социалистическая деятельность.

Мы трое—Стефанович, Засулич и я—примкнули к Плеханову и его единомышленникам. В виду оказавшихся неудачными попыток на состоявшемся в Воронеже съезде создать прочный мир между указанными выше двумя фракциями, осенью того же года в Петербурге решено было разделить на две совершенно независимые организации: на „Народную Волю“ и „Черный Передел“. В последний, кроме Плеханова, М. Попова, нас троих и еще других членов общества „Земля и Воля“, вошел также приехавший из-за границы в Россию старый наш товарищ П. Б. Аксельрод.

* * *

„Черный Передел“ задавался теми же самыми целями, что и общество „Земля и Воля“, т.-е. деятельностью среди крестьян на почве созревших у них стремлений, взглядов, путем прочно основанных в селах и деревнях поселений для постепенной подготовки народного взрыва, не прибегая к „авторитарному принципу“. Но вскоре оказалось, что основанные раньше землевольцами в некоторых приволжских губерниях поселения, главным образом вследствие происходившего в крупных городах террора, одно за другим исчезли. Заново же создавать их стало почти невозможным, отчасти в виду предпринятых правительством мер, в особенности же вследствие изменившегося настроения у революционной молодежи, начавшей тяготеть к террору. Поэтому от чисто народнической деятельности, волей-неволей, пришлось хотя бы на

время отказаться. Оставалось приняться энергично за пропаганду среди рабочих. Это и стало, главным образом, задачей Плеханова и некоторых других чернопеределцев. Вскоре, однако, обнаружилось, что и среди лучшей части рабочих возникло увлечение террором: наиболее распропагандированные из них—Пресняков, Тихонов, Окладский—примкнули к народовольцам, а самый выдающийся из них, Степан Халтурин, предложил себя для совершения взрыва в Зимнем дворце, куда ему удалось поступить в качестве искусного столяра для исполнения необходимого там ремонта.

* * *

Между тем, полиция энергично разыскивала некоторых из нас,—Плеханова, Засулич, Стефановича и меня, которых по недоразумению III-е Отделение считало главными руководителями террора. Мы поэтому, будучи арестованными, могли за чужие грехи угодить на виселицу, чего не хотели допустить наши сочлены, настаивавшие, чтобы мы, перечисленные четверо чернопеределцев, хотя бы на время, вновь отправились за границу.

* * *

С большой неохотой мы согласились на это, так как отъезд в ту пору в безопасное пристанище нам казался почти подобным бегству с поля сражения. Но одно важное соображение примиряло нас с этой поездкой: все мы, в особенности же Плеханов, чувствовали, что произошла какая-то брешь в наших народнических взглядах. Продолжая оставаться анархистами, не признававшими политической борьбы, мы не могли не допускать, что в конституционных странах куда благоприятнее условия для социалистической деятельности, чем в самодержавной России. Начавшееся у нас, таким образом, сомнение в правильности нашего отношения к политической борьбе нашло подкрепление в произведениях Маркса и Энгельса, за изучение которых все мы принялись вскоре по приезде за границу. В результате проверки вынесенных нами из России социально-политических представлений, мы, бывшие члены „Черного Передела“—одни немного раньше, другие позже,—отказавшись от народнических взглядов, стали последователями основателей научного социализма. Осенью 1883 г. по моему, главным образом, предложению Плеханов, Аксельрод, Засулич, Игнатов и я основали марсистскую группу „Освобождение Труда“, целью которой стало распространение учения Маркса и Энгельса в России, главным образом среди рабочих, для развития классового их сознания.

В основанной мною для этого в Женеве осенью того же года типографии были на-

печатаны первые марксистские брошюры: Плеханова — „Социализм и политическая борьба“, а также Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке“ и др. Нужно ли напоминать о том, что, за редкими исключениями, русские эмигранты всех направлений крайне враждебно отнеслись к нашему объявлению себя марксистами. Отчасти поэтому наше положение было во всех отношениях неимоверно тяжелым. Однако, наша небольшая группа не теряла уверенности в том, что, в конце-концов, разделяемое ею учение одержит в России верх над всеми видами утопического социализма. Но пока наступило это время, нам пришлось перенести много лишений, огорчений и страданий.

Начать с того, что всего полгода спустя после объявления о возникновении группы „Освобождение Труда“, меня, отправившегося в Германию для переправы в Россию контрабандным путем транспорта с первыми нашими марксистскими изданиями, арестовали во Фрейбурге, а затем выдали русскому правительству. Вскоре после этого очень ценный член нашей небольшой семьи, Василий Николаевич Игнатов, скончался. Потеря двух членов из пяти была, конечно, во всех отношениях чрезвычайно ощутительна для оставшихся в Швейцарии товарищей.

* * *

Не буду останавливаться на пребывании в тюрьмах, на суде, медленном передвижении по этапам и т. д., так как обо всем этом я давно уже подробно рассказал в книге „16 лет в Сибири“. Коснусь здесь только времени, последовавшего после моего побега из Сибири (весной 1901 г.).

Уже по пути в Западную Европу, начиная с Нью-Йорка, в Лондоне и в Париже мне приходилось кое-что слышать о положении социал-демократического движения в России. Я узнал также, что мои друзья, члены группы „Освобождение Труда“ — Плеханов, Засулич, Аксельрод — соединились с прибывшими из России крупными молодыми их последователями — Лениным, Мартовым, Потресовым — и сообща издают превосходную газету „Искру“, а также неперIODический журнал „Зарю“, быстро приобретшие большую популярность. Вскоре затем, в конце октября, я и сам получил возможность убедиться в правильности этих известий.

Побыв по приезде в Швейцарию некоторое время у моего старого друга, П. Б. Аксельрода, я отправился в Мюнхен, где поселились из молодых приезжих — Ленин, Крупская и Мартов, а из группы „Освобождение Труда“ В. И. Засулич и Блюменфельд, — Плеханов оставался в Женеве, а Аксельрод в Цюрихе, но в важных слу-

чаях они также приезжали на общие заседания. Мюнхен был выбран для редактирования, печатания и экспедиции названных органов печати по конспиративным соображениям, чтобы быть вдали от обширных русских колоний, а следовательно, вне наблюдений русской заграничной полиции.

В первые же дни моего приезда в Мюнхен я довольно близко сошелся с Лениным и его товарищами. Поэтому, когда Н. К. Крупская предложила мне вступить в незадолго пред тем организованную „заграничную Лигу русской соц.-демократии“, стремившуюся объединить всех живших за границей единомышленников группы „Искры“ и „Зари“, я охотно принял это предложение. Вскоре затем я также согласился вступить путем кооптации в администрацию Лиги, в состав которой входили Блюменфельд, Вечеслов и Лейтейзен.

* * *

Я поселился в Мюнхене. Туда же спустя короткое время приехали Плеханов и Аксельрод, чтобы сообща с остальными членами заняться рассмотрением проектов программы Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. На всех происходивших по этому поводу многочисленных заседаниях я также присутствовал. Когда же, как известно, собравшиеся не пришли к соглашению по поводу проекта программы, то была выбрана примирительная комиссия из В. И. Засулич, Ю. О. Мартова и меня*). После долгих убеждений мне, отправившемуся весной 1902 года в Швейцарию, удалось склонить Плеханова пойти на уступки и примириться с обиженным им Лениным**).

* * *

Несмотря на все предпринятые нами предосторожности, русской полиции все же удалось разнюхать, что „Искра“ и „Заря“ печатаются в Германии в немецких социал-демократических типографиях, и что редакция помещается в Мюнхене, почему она стала хлопотать об ее аресте. Узнав об этом своевременно, мы наскоро снялись и в том же почти составе перекочевали в Лондон. Там, кроме прежних занятий по редактированию, печатанию и проч., много времени и внимания поглощала у всех подготовка второго съезда нашей партии. Для этого был избран так называемый Организацион-

*) О моем участии умалчивают все, писавшие по этому поводу, а комментатор переписки Плеханова и Аксельрода, Б. Николаевский, вместо меня произвел в члены этой комиссии Ф. Дана, в то время уже арестованного в России. Так пишется история! Л. Д.

***) Об этом подробно сообщается в письмах В. И. Засулич, напечатанных в редактируемых мною сборниках „Группа Освобождение Труда“. Л. Д.

ДОБРУСКИНА Г. Н.
(1862—1945).

ный Комитет, в задачи которого входили содействие избранию и переправка за границу соответствующих делегатов. Для устройства последних по приезде их в Зап. Европу избрано было „Заграничное Бюро“ организационного комитета, в которое по настоятельной просьбе Ленина я, скрепя сердце, согласился войти, на ряду с представителями от „Рабочего Дела“ и „Бунда“.

* * *

Не буду здесь останавливаться на этом съезде, приведем, как известно, к распадению нашей партии на „большевиков“ и „меньшевиков“, так как имеются напечатанные протоколы его. Я примкнул к последним, но по разным причинам, о которых сообщу современем, фактически очень мало участвовал в их предприятиях.

* * *

О положении, возникшем после 9-го января 1905 г.—о всеобщей стачке и дарованных Николаем II „свободах“, о моем затем возвращении в Петербург, об аресте меня (в январе 1906 г.), о ссылке меня в Туруханский край и моем побеге из Енисейска,—я подробно рассказал во 2-й части „Четырех побегов“.

Здесь мне немного остается сообщить о дальнейшей моей жизни.

После Лондонского съезда 1907 г. я вновь оказался на многие годы оторванным от России эмигрантом. Прожив три с чем-то года в Париже, я, в виду полученного от товарищей из Нью-Йорка предложения, отправился туда, чтобы редактировать заграничную ими рабочую газету на русском языке. Приняв это предложение, я зимой 1911 г. отправился в Америку, где прожил до осени 1916 г., когда вернулся в Лондон.

Известие о мартовской революции дошло до меня лишь спустя несколько дней, а отправиться на военном судне в Петербург удалось только в конце того месяца.

Дальнейшие события столь близки нам и так ярко запечатлелись в памяти каждого, что едва ли есть основание излагать их теперь.

Добрускина, Генриета Николаевна *)

Родилась я в 1862 г. 5 января в г. Рогаचेво Могилевской губ. Семья наша жила в нужде: отец пробивался уроками. Он был романтик и мечтатель, далекий от жизни, свободолюбивый и патриот, мечтавший о старом Иерусалиме и грезивший им. Писал стихи на древнееврейском языке, жил одно время в Париже, где бывал у Виктора Гюго, которого боготворил, и умер в Палестине. Мать, более практичная, чем отец, несла всю тяжесть повседневной жизни. Она любила

читать, и дом наш был наиболее интеллигентный в городишке. Вечерами устраивались чтения. Читали Гете, Гейне, Берне. Нас было 5 человек детей. Учились мы сначала дома. Одно время жил у нас и занимался с нами Млодецкий, впоследствии покушавш. на Лор.-Меликова и казненный. Была еще мала и определенных воспоминаний о нем не сохранила, кроме того, что он был выдающимся педагогом. Учились мы в пансионе „для благородных девиц“. Как-то раз вечером пришла к нам знакомая акушерка, Кайранская, и привела своего брата, приехавшего к ней погостить. Весь вечер (это было в 1875 г.) он рассказывал о великом порыве хождения в народ, охватившем лучшую часть нашей интеллигенции. Притаившись в углу, мы, дети, слушали эти рассказы. Со мною вместе училась моя подруга, Дебора Познер, привлеченная впоследствии по Лопатинскому делу, высланная административно в Архангельскую губ., где она умерла. И вместе с нею мы стали мечтать о том, чтобы учиться, итти в народ и своими знаниями служить ему.

В 1876 г. поступила в Могилевскую Мариинскую гимназию. Гимназическая наука глубоко поразила меня. Наш маленький пансион был идеалом по сравнению с мертвенной гимназией. Мы зубрили теорию словесности, без смысла, в 5-м кл. решали задачи по арифметике. Эта школа могла отбить охоту к учению даже у святого. В 6-ом классе появился у нас новый учитель словесности, который упразднил „ъ“ и начал разбирать литературные произведения, как отражения духовных стремлений русского об-ва. Все учение приобрело новый смысл. Учитель истории останавливался долго на истории французской революции и ее влиянии на жизнь других европейских народов. Оба эти учителя толкали нас на размышления, и к бессознательному стремлению, к порыву присоединилось сознательное отношение.

В Могилеве жил старый революционер, Езерский. Говорили, что он сидел в Петропавловской крепости, такой таинственной и страшной, и мне очень хотелось познакомиться с ним. В 79 г. перед окончанием гимназии отправилась к нему. Ближайшее знакомство меня несколько разочаровало: ни о каких революциях не было и речи. Дальнейшему сближению помешало благодетельное начальство: Езерский был сослан в Архангельскую губ. Выслано было довольно много народу. По окончании гимназии уехала домой. Наши материальные дела были в самом хаотическом и безнадежном состоянии, и ни о какой поездке учиться дальше думать не могла. Уже с 6-го класса давала уроки и училась сама. По окончании гимназии мне предложили место гувернантки в Пропойске, местечке Могилевской губ. Приняла это предложение.

*) Автобиография написана в апреле 1926 г. в Ростове-на-Дону.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие	5
2. Энциклопедический словарь Гранат, т. 40 Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов 19 века	13
3. Энциклопедический словарь Гранат, т. 41, вып. 1–3 Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской революции	345
4. О братьях Гранат и их энциклопедическом словаре	799
5. Указатель тюрем, мест каторги и ссылки	802
6. Именной указатель	805
7. Приложение. Руководящие органы Коммунистической партии и Советского государства в 1917 – 1927 гг.	822
8. Перечень статей	831

Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. — Репринтное изд. — М.: Сов. энциклопедия, 1989. — 832 с., ил. — (Издательство "Сов. энциклопедия", Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). ISBN 5-85270-028-2.

Энциклопедический справочник "Деятели СССР и революционного движения России" факсимильно воспроизводит биографии, подготовленные в 1925–1926 годах и опубликованные в виде приложений к 40 и 41 томам Энциклопедического словаря Гранат. Статьи Словаря Гранат дополнены (на полях книги) биографическими сведениями за период после 1929 года и портретами. Предисловие и статья "О братьях Гранат и их энциклопедическом словаре" дают современный комментарий к пролежавшим десятилетиями в специальных хранилищах книгам. Справочник оснащен указателями.

Д $\frac{0503020000 - 012}{007(01) - 89}$ КБ - 13 - 7 - 1989

9(092)

№ 173

Репринтное издание

Подписано в печать 14.08.89. Формат 84x108¹/₁₆. Бумага типографская № 1 бум. ф-ки "Лигатне". Печать высокая. Объем издания 87,36 усл.-печ. л.; 89,25 усл. кр.-отт.; 104,66 уч.-изд. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1961. Цена 10 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Советская энциклопедия". 109817, Москва, Покровский бульвар, д. 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 при Государственном комитете СССР по печати, 129301, Москва, Проспект Мира, д. 105.

92-2332/26